

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России. Выходит с 2005 г.

Во всех отделениях связи продолжается подписка на газету «Кубанский писатель»
Подписной индекс в каталоге Почта России 54713, цена подписки 105 руб. 48 коп.

ПАНОРАМА

● Презентация книги Айтеча Хагурова «Жизнь коротка, как журавлиный крик...» прошла в художественной галерее «Сантал». Поздравляли кубанского прозаика с новой книгой краснодарцы, представили высшей школы, писатели, общественность, и многочисленные друзья из Адыгеи. Среди них полномочный представитель республики Аслан Схабджежук, творческая и научная интеллигенция. Сборник повестей и рассказов, публицистических произведений, философских эссе, очерков посвящён внукам писателя. Чёткая гражданская позиция автора неотделима от его сыновней любви к своему народу, его традициям, не умаляя достоинств других народов, живущих рядом.

● Ночь музеев в Краснодаре традиционно отмечена событиями яркими и запоминающимися. Впервые в действе принимали участие и кубанские литераторы. Опять же по сложившейся традиции их пригласила галерея «Сантал». В насыщенной программе с феерическим дефиле (была представлена коллекция шляп Н.А.Чижовой), музыкальными номерами, прозвучали выступления поэтов Кронида Обойщикова, Нелли Василининой, Владимира Архипова, Светланы Медведевой, Любови Мирошниковой, Виктора Деревянко, Любови Галицкой и других литераторов.

● В литературной гостиной «Светлана» Кубанского государственного технологического университета прошла презентация книги сотрудника политеха Миры Гукасовой «Живые портреты. Вчера. Сегодня. Навсегда». Книгу автор посвятила своему учителю, ветерану Великой Отечественной войны, заслуженному работнику культуры России Дмитрию Павловичу Вайлю.

«Я хочу, чтобы цикл «Живые портреты» продолжался, — сказал Дмитрий Вайль своей ученице незадолго до смерти. — Пишите о достойных людях. Это самое огромное богатство нашей страны».

Мира Михайловна продолжила генеральную линию своего учителя: портреты, собранные в книге написаны с особой любовью и теплотой.

● Творческий вечер композитора, заслуженного работника культуры Кубани Николая Ивановича Животкова «Тебе, Кубань, пою» прошёл в Кореновске. Посвящённый пятидесятилетию творческой деятельности композитора, этот вечер стал настоящим гимном родному краю, кубанским станицам и городу Кореновску. Зал, собравший друзей и почитателей таланта Николая Ивановича, не смолкал от аплодисментов, приветствуя автора музыки и его соавторов-поэтов, на чьи стихи написаны песни Животкова. Среди них Николай Зиновьев, Анатолий Рудич, Генрих Ужegov, Зоя Рылина, Ольга Немыкина. Но особенно часто звучало имя кореновского поэта — Виктора Малахова. Песни «Дорога к Дону», «Мой милый край», «Сиреневый вечер» и другие прозвучали в исполнении Ивана Роголёва и Татьяны Ильченко.

СОБЫТИЕ

Кубань и космос

На фото: слева направо - А.Березовой, С.Медведева, В.Горбатко и М.Мамай.

Программа визита кубанских космонавтов Героев Советского Союза Виктора Горбатко, Анатолия Березового и Героя России Евгения Трещёва на их малой родине была распланирована по минутам. Одно из плановых мероприятий — посещение Краснодарского историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына, где состоялась пресс-конференция с гостями, после чего они ознакомились с экспозициями на космическую тему.

Среди приглашённых гостей ветераны Байконура М.Мамай, М.Щуцкий, Герой труда Кубани Н.Горовой, писатель С.Медведева, Председатель городского Совета ветеранов И.А.Рыбалко, представители молодёжи, лауреаты кон-

курса, посвящённого юбилейному Году космонавтики.

Летчики поздравили присутствующих с Днем космонавтики. В. Горбатко отметил, что ровно 50 лет назад, 14 апреля 1961 года, Юрий Гагарин получил звание

Героя Советского Союза, был удостоен ордена Ленина и награжден медалью «Золотая Звезда» за полет в космос. Президент Федерации космонавтики Кубани Энвер Трахов рассказал присутствующим, что праздничные мероприятия в рамках Года космонавтики будут проходить весь 2011 год. Он напомнил, что в Анапе был установлен бюст Юрию Гагарину на Аллее русской славы, а в Краснодаре готовится закладка Аллеи космонавтики. Затем прочитала свои стихи поэт Светлана Медведева.

— Мы по праву гордимся нашими земляками, — отметил представитель молодёжи, — нам есть с кого брать пример.

После пресс-конференции гости осмотрели выставки «Космическая одиссея», «50 лет в Космосе: летопись покорения» и «Космические маршруты кубанцев». Анатолий Березовый передал в дар музею будущие экспонаты для дополнения экспозиции, в которой уже представлены личные вещи космонавтов: документы, фотографии, тренировочная форма.

В своём выступлении герои-космонавты отметили, что Кубань — самый космический регион России и поблагодарили всех, кто работает в этом направлении.

— Сегодня мы испытали поистине космические чувства, — поблагодарив великих земляков, сказал генеральный директор музея Ерёменко Андрей Григорьевич.

**Марина Голубева,
член Союза журналистов России**

ПОБЕДНЫЙ МАЙ

Иван Дудин

ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ

Галине Сергеевне Эрдели,
ветерану Великой
Отечественной войны

Луна плыла над головой...
Дожди осенние шумели...
А на дороге фронтовой
Стоит девчоночка

С винтовкой и флажок в руке...
Не рядовой солдат - ефрейтор!
А ей бы где-то вдалеке
Писать стихи,
играть на флейте...

Но если злая саранча
Напала на Страну Советов?
Тогда — винтовка у плеча:
На фронт ушла

Бомбёжки...
Холод...
смерть друзей...
Колонн военных
строгий график...

А нынче — памяти музей
Да восемь жёлтых фотографий.

Сказать иначе не смогу —
Вина бредёт за мной по следу:
Простите! Мы у Вас в долгу...
Поклон Вам низкий за Победу!

девчужка эта.

Холод...

строгий график...

Всё это может повториться...
Руль сыну Мише передал —
По делу едем в Краснодар.
Вокруг — цветущая пшеница...

Цвет мака
капелькой отдельной
Мелькнёт в пшенице,
словно кровь,
Напоминает вновь и вновь:
Здесь шёл когда-то
бой смертельный.

Кровинки мака...
Хлеб на блюде...

Всем —
от деревни до Кремля!
Напоминает нам Земля:
Войну не забывайте, люди!

Валерий ГАНИЧЕВ

Итак, о русском

Вера и знание не антагонисты. Православие – поле спасения

(начало в номере 2)

Александр Казинцев укоряет в своей прекрасной книге молодых ребят из ряда молодежных организаций в излишнем просветительстве. Не думаю, что он прав, молодые русские ребята должны знать отечественную литературу, патриотическое слово, классику, культуру, стремиться к образованию, прийти к вере. Она поможет им избрать точный и правильный путь действий, уберечь от путаницы и провокаций. Опонента или даже врага можно превзойти лишь лучшим образом дела, умения, мысли, высотой духа.

Честно говоря, не очень хочется быть резким, всё время давать отпор, обнаруживать фальсификацию, инсинуацию, попросту ложь в суждениях наших оппонентов, а чаще – скрытых врагов. Но тот, кто взял на себя миссию защитника русского начала должен быть не неким упрямым и догматиком, а должен быть человеком знания, постигающего истину, факты, умеющим прислушаться и понять оппонента, но если надо, умеющим опровергать ложь, неправду, клевету, чего бы это ни стоило.

Как говорил великий русский педагог К.Д. Ушинский: «Высказанное слово истины бывает иногда гораздо опаснее, чем подставить лоб под вражескую пулю, которая авось пролетит мимо». (К.Д. Ушинский. Собрание сочинений в 6 томах. Том 2. М., с. 52.) Кстати, вы заметили, что наши национальные светочи, несмотря на всё дребезжание о свободе слова и уважении к прошлому, все дальше и дальше задираются в массовом сознании. Ныне ещё многие помнят выдающиеся фильмы о Пирогове, о Попове, Мичурине, об Ушакове, Нахимове, Александре Невском, Суворове, Богдане Хмельницком, ушедшие накануне и после войны, где слово «русский» отнюдь не подвергалось остракизму, не маскировалось в «россиянин», оно было высоким знаком России. В этих фильмах был высокий подвиг во имя народа, бескорыстное служение России, глубокая вера в будущее предназначение Отечества. Ныне же попытки найти средства на съемки фильма «Святой адмирал» (об Ушакове) оказываются тщетными.

Конечно, тогда было трудно показать один из решающих факторов укрепляющего русский народ, возвышающего наших соотечественников. Но высокое художественное мастерство наших мастеров показывало православие как главное начало тысячелетней России.

Помню появление «Войны и мира» Сергея Бондарчука. Небывалый мировой успех. Миллионы зрителей. «Оскар». Конечно, были и у нас злопыхатели. Одна из них (позднее уехавшая в США) кричала: «За такие фильмы надо бить канделябрами!» Почему-то такой вид избивания часто заявляется против русских патриотов (помните, как некий пианист призывал применить его в 1993 году против защитников Белого дома). Но нас мимо мощи исторических сцен, блестящей игры актеров поразило то, что в годы, когда обещали показать «последнего попа», показали молитву и коленопреклонение перед Смоленской иконой Божией Матери, перед Одигитрией самого Кутузова и его войска. Подлинным, вдохновенным православным богатырем показал себя в этом фильме Сергей Федорович Бондарчук.

Конечно, для многих православие не столь очевидно в становлении нации, считается мифическим преувеличением русского патриотической мысли. Кто-то воспринимает это с раздражением, пытаясь сослаться на факт погрома церквей и низвержения колоколов после революции, совершенных якобы и народом. Тут лукавство: «Коммиссары в пыльных шлемах», эмиссары, приехавшие из-за границы, ставили перед собой цель не только низвержение самодержавия и свержение русской буржуазии, а в не меньшей, если не в большей степени – разгром православия, разрушение храмов и церквей.

В немалой степени это удалось достичь. Но живительная сила христианской веры все

время проявлялась в народе. Не убоившись наказания, во время довоенной переписи 70% населения указало, что они православные. Это не смог не учитывать Сталин и его окружение, и с первых дней войны (3 июля 1941 года) коминтерновские обращения сменились православным слогом: «Братья и сестры! Соотечественники мои...» А в самый красный октябрьский праздник (7 ноября), обращаясь к идущим в бой красноармейцам, с трибуны мавзолея, когда враг был в 50 километрах от Москвы, призвал главный, мистический, стратегический резерв: «Пусть вдохновляет вас образ великих предков... Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова...» Первыми в этом ряду Сталин назвал Святых Русской Православной церкви. Стало ясно, что главной глубинной спасительной духовной силой становилось Православие. Оно снова возрождалось.

Никита Хрущёв, его агитпроп пытались переломить тенденцию, обещали показать «в XX веке последнего попа». Не вышло. В 80-е – 90-е произошел всплеск и возвращение церкви к массам, некое второе крещение Руси. Конечно, со всеми издержками стремительного роста. Ясно, что при таком массовом потоке идущих по дороге в Храм не все удавалось в церковной православной жизни в обществе. Может, не различимы ясно и чётко часто для многих подвижники, не проявлялись в обществе и справедливость, которой учит церковь. И если раньше в 90-е годы Церковь воспринималась теми, кто разрушал великую державу, чуть ли не как союзник, то нынче, разглядев в полной мере её державную и нравственную сущность, они поняли, что это главная духовная скрепа России. И недаром зоологический наш враг Бжезинский заявил, что «после коммунизма, злейший враг – Православие» Им ли не знать это в веках?

Однако и внутри нашего общества немало и своих не только оппонентов, но и противников православия, кто от интеллигентского высокомерия и нежелания подчиняться каким-либо нравственным правилам, кто от духовной лени, кто от сектантства и нигилизма по нутру. СМИ, да и вся система прессы вбрасывает обвинения и обвинения церкви и священства, православия. Вот даже в полнокровной и яркой «Советской России» все чаще проскальзывают материалы сродни публикациям Емельяна Ярославского, со сладострастием громившего Православие и вдохновлявшего воинствующих безбожников на погромы церквей, то есть очагов русского народа. Вот видите, происходит трогательное единство яростных борцов с преподаванием «Основ православной культуры» (то есть основной, главной и классической нашей культуры) и емельяноярославцев.

Правда, у коммунистов это еще и отзвук борьбы национальных, патриотических сил с неотрецистами, ультралевыми внутри партии, которые, как в свое время было сказано о свергнутых и возвращенных во Францию Бурбонов: «Они ничего не поняли и ничему не научились?» – Но, Бог с ними, с этими фракционными схватками.

Православная вера, христианские ценности – вековая основа России. И тут я, конечно, категорически не согласен с утверждением профессора Д. Соловья и публициста А. Севастьянова о том, что Православие ослабло, перестало быть утверждающей, державно-организующей силой. Их скептическое отношение к нынешним священникам и верующим связано, по-видимому, с тем, что к сегодняшней Церкви они не близки, по-интеллигентски возвышают себя над ней и думают, что в будущем народ обойдется без нее. Может, конечно, но это уже скифы. Боевой народ, но дикий.

Немало боевых патриотов, которые считают себя православными, предъявляют претензии Патриарху: он должен то, он должен другое. Владимир Крупин в ответ на это спрашивает: «А ты, друг, давно исповедовался, причащался?» – На это следовало недоуменное: «Причем здесь это?» – «А

притом, что спроси для начала с себя».

«Кто молится, идёт на обедню – это и есть наша опора для созидания» – сказал один владыка. И нет сегодня никакой другой соединительной идеи. Можно сколько угодно придумывать общественных платформ, задач, которые выдвигает та или иная партия, но нет таких идей, которые способны объединить русский народ так, как делает это наша православная вера.

Хорошо, что коммунистическая партия нашла в себе силы отказаться в уставах от «научного» атеизма обязательного, в качестве обязательности, и выступила за «свободу совести» для каждого члена партии. Я вспоминаю один из Всемирных Русских Народных Соборов, который был посвящен теме «Вера и Знание». И вот на этом Соборе, где выступал и Патриарх, и президент Академии наук, где выступали министры, митрополит Кирилл, ученые, говорили о том, что вера и знание – не антагонисты. Мы с этого поля уже ушли, где пытались сталкивать науку и веру. Я думаю, что на пути самопожертвования, служения высшим идеалам, к чему призывает Церковь, мы и утвердились как русские.

Все народы России – сплотимся вокруг русского народа!

На недавнем Госсовете В.В. Путин с убедительной страстью сказал. Что в советский период нашего государства такого размежевания по национальному признаку, как нынче, не было. И это верно. Я, например, помню, когда до войны и во время войны жил в Марьяновском районе Омской области, в котором были колхозы «Энбекши казах», «Червоный пахарь», «Роте Фане», созданные казаками, украинцами, немцами, были в районе колхозы с латышами, мордвой, татарами, и ребята этих национальностей учились в нашей школе, в моем первом классе, и ни у кого не возникал вопрос об отчуждении по национальному признаку. Даже у ребят, вывезенных в 1944 году из Калмыкии, которые учились вместе с нами.

Правда, был один случай, когда наша первоклассная «октябрьская звездочка» – я, Генка Сусолятин и Ваня Плотников надавали тумачов за школой немцу Давиду Штопелю за то, что в придуманной им задачке немецкие самолеты сбили больше советских, чем наши фашистских. Давид, конечно, просто ошибся, будучи ещё не в ладах с арифметикой. Когда директор школы, выговаривая нам в учительской за эту мальчишескую патриотическую выходку, сказал: «А вы знаете, что дядя у Давида антифашист и арестован гитлеровцами?» – было стыдно, и мы извинились и подружился с Давидом.

В украинской же школе, после войны, райцентром Камышня в гоголевских местах на Полтавщине, мы, конечно, знали украинскую мову, но блестяще знали русскую литературу и язык. Может быть, эта соединённость, как писал Гоголь, восхищаясь украинским и русским началом в себе, и привела к тому, что из сельского класса вышло два академика, три доктора, пять полковников, шесть ученых и три медика – вот она, национальная и социальная соединённость.

Однако Владимир Владимирович неправ, когда говорит только о советском периоде братства. В многовековой истории России, которая спаяла народы, таких примеров немало. И было удивительно, что, когда Ельциным было предложено: «Берите суверенитета, сколько хотите», – то об этом на местах попытались быстренько забыть, а Центр, высокомерно вытравливая «имперское прошлое», искал образцы национального сплава только в западных цивилизациях.

К сожалению, у нас в стране не нашлось сил и средств, чтобы втянуть инациональных граждан в изучение и овладение русской культурой и языком (да на нашем телевидении это можно и не увидеть). Оказавшись в Воронеже на смотре русских хоров представитель чеченского министерства культуры, со слезами на глазах просил: «Пришлите нам один-два коллектива в русских костюмах с песнями русскими, наши люди увидят: вот

какая народная культура в России, а не только маски-шоу с обнажением». За границей же многие считают, что после ухода коммунистической партии мы будем защищать нашу культуру, наш язык. Так, лидер Ливии Муаммар Каддафи, размышляя об отличии от советского периода, утверждал: «Сейчас Россия будет защищать не политическую, экономическую, философскую идеологию, она будет защищать русскую национальность, русскую нацию, само существование России». («Время новостей», 30.04.2009 г.) Игорь Шумейко в своей книге «Большой подлог...» показывает, как входили в Россию разные народы. Как соединялись в веках, например, русские и татары. Да, были периоды неспаянности, но с Куликова поля, когда татарские мурзы привели свои войска к русским воеводам против космополитического войска нагайского хана Мамаю, русские и татары неразделимы и составляли крепкую ось державы.

Кто дал свою кровь русским фамилиям? Шереметевым, Юсуповым, Басмановым, Годуновым, Кочубеям, Салтыковым, Ушаковым, Строгановым? А Козьма Минин имел в своих корнях татарскую кровь. И так со многими. А по количеству Героев Советского Союза в период Отечественной войны татары идут вслед за славянами. Разве не с гордостью говорят башкиры и калмыки, что их конники первыми входили в 1814 году в Париж? И их все французы называли русскими. Мы едины.

Мой военный руководитель в КГУ, майор, на занятиях по тактике рассказывал, как надо идти в атаку: «Чтобы ошеломить неприятеля, пугать его и себя взбадривать, надо кричать!» – «А что вы кричали, когда шли в атаку?» – спрашивали мы. – «За Родину, за Сталина!»? Он отвечал: «Я, тогда лейтенант, Ванька – взводный, выскакивал из окопа, подымал пистолет и кричал своим бойцам: «Вперед, славяне!» А у меня во взводе бойцы всех национальностей. А сам я татарин».

Да возьмите наш Союз писателей. Пожалуй, нет больше общественной, культурной, хозяйственной, организации, которая соединяла бы, вернее, объединяла все области и республики, народы и народности России. В Якутии проходил мощный общероссийский пленум, скорее даже съезд, объединяющий писателей России. Такой же обостренный временем пленум проходил во время военных действий в Чечне. Тогда мы привезли с собой 200 томов Пушкина и одна чеченская учительница сказала: «Ну, если Пушкин приехал в Чечню – мир будет!». Мир и наступил. Всероссийские встречи проходили во многих российских областях в Орле, Курске, Липецке, Белгороде, в годовщину вторжения грузинских войск в Южную Осетию в Цхинвале и Владикавказе.

Творческие отчеты в Союзе писателей провели писатели Башкирии, Дагестана, Хакасии, Карелии. Чтобы не дать свободно говорить о культурно-экономических запросах России и русских начинают пугать тех, кто ставит эти вопросы, возможность распада нашего многонационального государства. А уроки истории говорят, что, когда власть пренебрегала русским народом, то у России всегда были самые тяжелые времена. Боярское своеволие, предательство престола и передача его латинянину, то бишь католику, принесла смуту 1612 года, захват Москвы поляками, и только когда русский народ с Мининым и Пожарским поднялся на борьбу с иноземцами, Россия была спасена. Так же было в 1812 году, когда многонациональное масонское окружение царя отнюдь не руководствовало интересами России и только «дубина народной войны» повергла Наполеона. Так было и в Крымскую войну, когда царизм не успел отменить крепостничество. Самый драматический пример – Первая Мировая война и «измена и предательство» кругом царя. Старая Россия рухнула. Новая шаталась несколько раз и выстояла за счет движения русских людей. Сталин понял, что в час смертельной опасности, в 1941 году, именно русские с их верой и стойкостью спасут Россию. Так и было, другие народы поддержали русских.

Нас пугают распадом, пытаются в большом количестве наций и народов затерять, замелочить русский народ, демонизировать его, запугать им. На самом деле, в многонациональности наша сила, наша многовековая спаянность, в которой у каждого народа свое место, объединяет нас вокруг русского народа.

Тут и вырисовывается **общероссийская национальная идея – «народы России, – сплотимся вокруг русского народа!» Тогда Россия непобедима и необорима.**

НАМ ПИШУТ ЧИТАТЕЛИ

Агафья Сагал

МА-МА МЫ-ЛА РА-МУ

Я - опять о детях, об образовании, о том, в чем я, бывшая «училка» и «завучка» прозрела окончательно и бесповоротно, а что — не понимаю а потому, — не принимаю, как педагог и как родительница.

Ситуация между Министерством образования и Науки и остальными заинтересованными лицами звучит выразительнее в известных поговорках: «А Васька слушает, да ест»; «Ветер дует — караван идет»... Настолько толерантными к воплям, возгласам, возмущенным вопросам академиков за круглыми и другой формы столами в телеэфире, к взрывным газетным публикациям, острыми полемикам в журналах, — настолько толерантными (кроме троих аксакалов из «Белого солнца пустыни») могут быть только усопшие. Мастер-класс толерантности по отношению к мнению родителей, педагогов школ, средних и высших, самих школьников и студентов преподают нам авторы новшеств (ЕГЭ) и новых стандартов образования.

Смотрю я, что ни день на детей наших — загадка великая в каждом. А ну — кто получится из этого, который не ищет проторенных путей и шлепает напрямик по лужам, беззаботный, мокрый, беспечный, а, главное, счастливый? Вспоминается телерассказ о Константине Жукове (отце легендарного полководца Георгия Константиновича Жукова) — его, Константина, подобрали у калитки добрые люди, — подкидыш он был... Дали воспитание, а потом — образование классическое, общепринятое, в строгости и дисциплине. А кем будет эта заводная девчонка, что спуску не дает мальчишкам? Может великой актрисой, как Людмила Гурченко, которую папа называл «уркой»? Тайна эта — кто есть кто — конечно раскроется, но условия для этого трудного процесса и шанс его осуществления даёт достойное образование. Даже из сорванцов. Возможно — и обязательно! — среди них есть великие, а если даже и просто граждане России? Каждый образ человека будущего лепит школа, поэтому образование — не услуга «Чего изволите-с?», а великая миссия и искусство.

На сегодняшний день всё образование, школьное, как минимум, напоминает того подкидыша — его подобрали, но в какие руки? Сдаётся, не в самые чистые. В публикации «Наше всё» Леонид Шахов пишет: «Школа превратилась/превращается в этакий сервис-фирму по оказанию образовательных услуг! А в любом сервисе два основных постулата: «Клиент всегда

прав» и «Любой каприз за ваши деньги». Выбор, получается за клиентом, т.е. за учеником.»! Что мы имеем, когда «всегда прав» тот, кто в школе всего лишь обязан сидеть тихо и слушать учителя, не мешая другим? Имеем полное отсутствие дисциплины, следовательно и минимум знаний! А учителя, требующего послушания — страшно писать — но карают(!) и ученики и их родители. Все знают случаи расправ с учителями. Даже убийств! Никогда не пойму, как можно было превратить одно из лучших образований в мире — в «уличные разборки». «На протяжении десятилетий советская российская школа не просто учила — хорошо учила детей», — пишет Л.Шахов. — И не просто учила, а сеяла разумное и вечное. Помните: «Рисовать квадрат и круг, знать, где Север, а где Юг — учат в школе, учат в школе, учат в школе! Крепко накрепко дружить, с детства дружбой дорожить... И не путать никогда острова и города... Образование — одно из немногих достижений, наряду с хоккеем, балетом, космосом — чем мы всегда гордились». Поистине, чтобы сделать из великого — убожество — много ума не требуется. Поэтому, чем пристальнее мы вглядываемся — тем явственнее проступает проверенная схема большого бизнеса: обанкротить то, что есть, а дальше — заточить под получение прибыли то, что осталось. Вот и не принимает Россия ЕГЭ, не принимает «стандарты», о которых сами дети говорят, что «они будут штамповать дебилов».

В публикации Виктории Работновой «Воспитание идеального электората» говорится: «Теперь в стандартах не прописано, чему именно будут учить школьников, а содержится только перечень «компетенций», которыми они должны обладать на выходе». При этом «планка» поднята достаточно высоко, но нет ни намека на то, как можно достичь подобных результатов... а необходимость разгрузки школьников объясняют стремлением сосредоточиться на воспитании граждан и патриотов своей страны, обладающих «целостным мировоззрением, соответствующим современному

уровню развития науки и с толерантным сознанием, экологическим мышлением и т.д. вплоть до ответственного отношения к созданию семьи».

Для Российской школы, состояние которой продемонстрировала в сериале «Школа» Валерия Гай Германика — и, судя по тому, что образовательные ведомства не подали в суд на режиссёра за клевету, а значит в сериале была показана правда — в стандартах для такой школы цели стоят заведомо недостижимые, о чем открыто и заявляет член-корреспондент РАО Александр Абрамов. «Стандарт для старшей школы, который приведёт к тому, что уровень образования выпускников резко снизится — опасная бессмыслица. В результате его внедрения мы получим поколение полуграмотных людей, а это — национальная катастрофа.» Ведь мы замахнулись на инновационное государство! Кто работать будет? Довелось мне наблюдать в нефтегазовой отрасли работу молодых начальников, которых папы пересадили из институтской скамьи (где они больше оттягивались, чем учились) — да сразу в кресло начальника производства. Результат — резкое падение нефтедобычи. А это провал для отрасли. Этот же результат возможен и в инновационной России, когда из-за границы придут папины сынки «руководить».

Можно долго сетовать, да что толку? Просто досада берёт и не отпускает. Вот показали по НТВ 6 марта «Русскую сенсацию» — автора ЕГЭ Владимира Хлебникова — директора Центра тестирования — приговорили его к 6 годам условно, и подумалось: а кто следующий реформатор, то бишь Александр Кондаков, который на сегодняшний день занят весьма прибыльным бизнесом — издательским? Успешный бизнесмен! И какова цена его уверенности в том, что возмущившие всех и вся новые стандарты удастся продавить? Виктория Работнова пишет, что в его издательстве, возможно уже и новые учебники готовы на новый предмет «Россия в мире», например. А цены-то ого-го! За «Литературное чтение» для 1-го класса мы платили 203 рубля, а за весь набор учеб-

ников для 1-го класса — 2 тысячи с лишним! Миллиардные барыши принесёт «Россия в мире» — и ничего нового. Потому что тема эта прописана в истории и экономической географии. Убедена — интеллектуальный капитал — дети России и образование их не должно быть в руках бизнесменов. Именно, чтобы бывшее одним из лучших в мире образование не превращалось в «дрессировку кроликов для бизнеса», нужно и важно произвести настоящую реформу образования не с целью выкачивания максимальных прибылей из этого процесса, а с целью повышения качества образования и создания каждому школьнику одинаковых стартовых условий для жизни. А за основу надо взять классический набор предметов. Он должен быть неизменным. Вопиющий вопрос дисциплины тоже решаем. Для этого надо во вводить в школы нулевой класс, в котором и готовить детей к восприятию учебного процесса. Образование — это упрочение престижа государства **заниматься им надо серьёзно, с полной отдачей.**

Учитель — слово с большой буквы и государственная должность. Учитель — не менее, а более всех государственных служащих должен быть уважаемым, прежде всего, в смысле оплаты труда. Почему депутаты, прокурор, судья получают 100 тысяч, а учитель — 10?

Это жалование недостойно звания «учитель российской школы».

И, самое важное. Даже в царское время существовало **Министерство образования**. Почему в наше время есть министерства у полиции, у энергетиков, у природных ресурсов и т.д.? А у учителей — нет! Правильно говорит Шахов: Наука и школа — разные вещи». И ведомства должны быть разные. Школой должны заниматься выдающиеся педагоги и выдающиеся родители государства Российского, а не кто придется. Школа — это наше всё. Остальное — потом. Газ, нефть, выборы, Олимпиада, Сколково, закон о Полиции и т.д. А также катастрофы с «человеческим фактором» во главе — всё из школы. Какова школа — так и живем. Такова и государство. Поэтому реформу образования надо проводить взаправдешную, новыми кадрами, в новом аспекте и незамедлительно. Иначе — МА-МА МЫ-ЛА...

7.04.2011 г.

1 - газета «Жизнь» март 2011 г.
2,3 - «Новая газета» январь 2011 г.

ПОБЕДНЫЙ МАЙ

РЫНДА
Рассказ

Ветерану войны Ивану Селиверстовичу Журавель, морскому старшине, исполнилось 88 лет. Превозмогая тяжесть в ногах и тоску по недавно умершей супруге, он потихонечку, целыми днями трудится на своем дворе: кормит и доит козу, содержит пяточек кур и собачонку Кнопку. Уединенный, все делает сам. Нельзя сказать, что в доме образцово, но порядок есть. Ему хватает времени на рыбалку — любитель, большой любитель. Его заветные словечки: «дело не в пирогах, а в загибах» или «чем больше трудишься, тем дольше живешь», «работа — это жизнь». Артиллерист, песню «Артиллеристы, Сталин дал приказ...» поёт часто. Но, надо прямо сказать, — с войной ему повезло — с первого до последнего дня служил в «раю», на берегу Черного моря, за Туапсе, на склоне горы, наводчиком большой береговой пушки. Ствол только у такой пушки длиннее пяти метров, и вечно смотрит он в морскую даль.

Дни и ночи для солдата-наводчика расплывались поминутно: подъём — занятия, обед — опять занятия, минутка отдыха и сон. С ума можно сойти. Но служба, есть служба — «не люблю, а смеяться». Зато, орудие всегда было готово к бою, в любую минуту могло начать стрельбу.

И вот, рано утром, как только рассвело, смотровые на вершине горы увидели выползающий из-за горизонта вражеский корабль. Моряки знали его, но никогда не видели, а тут на тебе, ползет фашист. Вмиг объявили тревогу, ещё миг — и наводящий кричит во всю мощь:

— К стрельбе готов!

И вот оно — долгожданное:

— Огонь!

Три года ждали этого слова, поглотившего тишину. Три года в даль смотрели и дождались. Раскатом грома бухнула пушка, страшный звук подмял под себя всё земное. В начале полёта снаряд был виден, но скоро исчез, и ещё миг — там, на горизонте вдруг взметнулся огонь, сам корабль и всё вокруг него покрылось дымом. А потом докатился страшное эхо взрыва. Это был не только разрыв снаряда, взорвался весь корабль, и даже земля затряслась. Гора огня и дыма несколько минут держалась, а когда рассеялась, на месте корабля ничего не было — пусто!

— Шандарахнули, так шандарахнули, — всё разорвало

вдребезги, — рассказывал потом детям моряк-ветеран. — Стрельнул — то всего один раз за всю войну, да как стрельнул! Это была моя наводка, за неё орденом Отечественной войны наградили, вот он, всегда ношу на груди. У меня ещё есть орден Отечественной войны, но этот конкретный, целого корабля стоит, — и ветеран целовал награду. Говорят, взорванный немецкий корабль искали на дне, но не нашли, уж очень там глубоко.

В послевоенные годы прошлого века народ в нашей стране жил бедновато, много тому причин. А когда сделали переворот, стали жить ещё хуже, даже голодали. Чтоб прокормиться, Иван Селиверстович Журавель купил распашную лодку, стал подрабатывать на реке перевозчиком и одновременно ловить рыбу на подпущка*. Плату за перевоз брал мизерную, а то и бесплатную, главное рыбалка, она кормила семью. Пятачок плотвичек поймаешь и хорошо.

Селиверстыч — не святой, бывало и выпивал, песни пел, а если вынуждали, громко ругался, но пьяным или преступником не был никогда, жил честно, как многие простые люди. Пьяниц не любил, с них всегда брал полную цену за перевоз. На обоих берегах повесил рынды, чтобы народ не орал на всю реку, а культурно вызывал перевозчика ударами по рынде.

А людям только это и нужно — на другой же день ему пришли кличку «Рында». Он было обиделся, но не тут то было, ведь с одной стороны на другую кричали «Ры-ы-ы-нда-а-а!»

Однажды он перевёз троих пьяненьких паренёв, по-

просил плату за перевоз, а они не только оскорбили, но и избили. Побои не тяжёлые, но страшно обидно. Так обидно, что разболелось сердце, и он слег в кровать в предынфарктном состоянии, едва откачали.

Прошло три дня. Шалопаи вновь пришли на перевоз, но ни перевозчика, ни его лодки не было, лишь гвоздем к дереву прибита фанерка, на ней написано «перевоз за лесом — 2 км вниз по течению. Если не верите, спросите у бакенщика 500 м вверх по течению». Балбесы спорили-спорили кому идти вверх, кому вниз по течению и подрались между собой. Двое ушли домой, а третий снял рынду и отнёс на базу металлолома. Но её там узнали и набили вору рожу.

После происшествия Селиверстыч загрустил, уныло бродил по двору рассеянный, невнимательный. Но рядом с ним собачка Кнопка и коза Зойка. Они как привязанные бродили за ним. Видно, понимали горе своего хозяина, ластились к нему: Кнопка без конца виляла хвостом, а Зойка своими рогами гладила ему ноги. Но всё равно Селиверстыч был унылым. Когда работы по дому переделал, он вновь отвёз лодку на перевоз, поставил рыболовные снасти и закрепил рынду, легко и глубоко вздохнул и вымолил: «Слава тебе, Господи!»

Но старания собаки и козы он заметил, поэтому стал брать их к себе на работу. Как только рассветало, дружная тройка выходила из дома и по лесной тропинке шла к реке: впереди виляла Кнопка, посередине Селиверстыч с веслом и чуть подальше коза Зойка, она непрятная, всегда плелась сзади.

В первый же день поймал четыре плотвички и одного леща, плотвичек пожарил и съел, а леща отдал на базу металлолома приемщику в знак благодарности.

Вот и сегодня на рассвете они втроём бредут по лесу: дворняжка Кнопка, старый моряк Рында и кудлатая, упрямая коза Зойка. Вечером в том же порядке вернутся домой. Семья.

*Подпущка — рыболовная снасть с крючками для ловли самоловом.

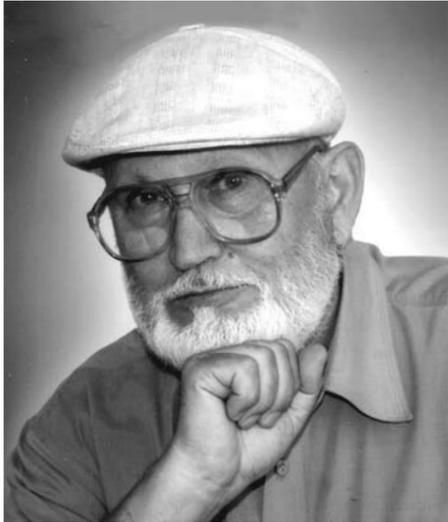
Валентин Мартынов, ветеран ВОВ,
участник Парада Победы.

ЮБИЛЕЙ

«НА ПЕРЕПУТЬЕ СОЛНЕЧНЫХ ВЕТРОВ»

(к 75-летию поэта Алексея Горобца)

Творческую судьбу большого кубанского поэта Алексея Горобца можно считать успешной уже потому, что его божья искра окрашена исключительным своеобразием, непохожестью на основную массу стихотворцев: **«Строчишь слова, пугаясь их значенья, Пытаясь обуздать их разноречием, Чтоб примирить с любовью нетерпенье, С рассудком мудрость, С мудростью покой».**

Поэт прямо-таки физически ощущает многообразие и своеобразие посылаемой ему свыше лексической стихии, одновременно и «пугаясь», и радуясь этому дару небес.

Ему свойственно также столь органичное и неразрывное слияние с природой, что невозможно представить его стихи без «разбойного плюща», «многодумных дубов», «простудного лепета лип», «промочных, растрепанных ветров», «косой архитектуры дождя» и прочих равноправных (наряду с авторским «я») участников его поэтических творений.

*«Нам это, ну, конечно, отольётся -
Да и не раз!..
Вот досмолю окурки
И по дождю, по тучам серо-бурым,
В ладу с тоской и всем печалям в лад,
Отворотясь, презрев огляд назад,
Уйду - туда, где старенькое солнце
Всё бьётся,
Всё не верит в свой закат+»*

«Старенькое солнце», «пыль-ковыль», «жимолости мреющее рденье», «растерянность брошенных ив» и т.п. - такие обороты речи кровно присущи Алексею Горобцу, делая узнаваемым и неповторимым его стихотворную стилистику.

«Освежи мне язык, муза огненных азбуки», - так вполне мог бы воскликнуть не только А. Вознесенский, но и наш поэт, речь которого освежают и вполне уместные в его контексте архаизмы типа «опричь», «мокрядь», и заимствованные у просторечия словечки вроде «избодался вусмерть смолу», «передыху не было и нет», и что-то наподобие неологизмов: «и дымь, и темь», «враздрызг, вразмах», «иглилась слеза», «мелдильсонят на ветру антенны» и т.д.

Порой из-за обилия лексического материала, переходящего в этакую словесную колоратуру, отдельные стихотворения выходят из-под контроля автора и несколько теряют в поэтичности, но музыка в них всё равно остаётся («Исполнится надежды и отваги», «Не надо бояться жить иначе»).

Усилению художественной выразительности стихотворений служит изящная звукопись, тоже органично присущая нашему автору: **«в околках, в колких кучерях», «чья участь - безучастье», «баласина болит», «и льдистая всё иглилась слеза», «повитель плетень переплела», «ведоль старых плёсов лесополоса»** и многое другое.

Помимо вышеназванных языковых и художественных средств, сама поэтическая мысль у Алексея Горобца всегда неожиданна, свежа и философски мудра:

*Уйдёт январь,
Февраль уgomонится,*

А мне всё так же длиться и томиться+

*А позже, по весне, вникая в радости
Беспутных гроз во громе и гульбе,
Я оглянусь да и взягляну - осталось ли
Хоть что-нибудь - в душе -
Опричь усталости?..
И не поверю самому себе.*

Отдельно хочется сказать об образности и метафоричности, свойственной нашему поэту. Вот только несколько примеров: **«Пожухлой листвой, уплатившей свой жёлтый оброк» «И сном, и сеном дышит бесконечность» «И ароматом пыли утеплю следы в душе, что так глупы и сладки» «И тычут пальцем в небо ветряки» «Студёные ладони сквозняка» «а снег спешит - и упадет в грязь, и лужи осыпает мелкой бранью» «балбес оторопель - куст жасмина»** и т.д. и т.п.

Магистральной для Алексея Горобца (как для лирика, чьи стихи всегда окрашены серьёзными раздумьями, острыми эмоциями и глубокими переживаниями) является, конечно же, любовная тема.

Естественно, что периодически, в зависимости от проживаемого этапа человеческой и творческой биографии автора, она меняла своё звучание, но её присутствие ощущалось всегда и ощущается поныне, ибо:

*Споткнёшься мысленно
И сникнешь в разговоре,
И замолчишь, забыв порядок слов.
Прельщенье женским телом переспорит,
Оспорит всё, что ты твердить готов.*

Или:

*И нет надежд на что-либо иное
В чреде ветров, туманов и дождей.*

*Лишь пыль-ковыль да марево степное
Ещё мелькнут воспоминаньем зноя
О той любви,
Что не ушла со мною,
Осталась здесь, чтоб в зимнем непокое
Хранить тебя
И сохранять бывшее -
И нет её печальней и верней.*

Алексей Борисович, окончивший в 1960 году ленинградскую Военно-медицинскую академию, по праву может быть причислен к яркой плеяде русских врачей-писателей, ибо (как когда-то Антон Чехов и Михаил Булгаков) он является врачом-врачом не только тел человеческих, но и душ.

Являясь постоянным автором литстраницы в «Медицинской газете», он по итогам 2008 года был удостоен премии им. М. Булгакова.

Стихотворения Алексея Горобца публиковались в журналах «Наш современник», «Континент» (Париж-Москва), «Родная Кубань», «Аврора», «Русская жизнь», «Кубань», «Звезда Черноморья», в газетах «Литературная Россия», «Трибуна», «Литературная Кубань» в 2005 году состоялась его публикация в американском альманахе «Лебедь», а в 2010 году в альманахе «Русская поэзия. XXI век».

Краснодарский композитор-песенник Ольга Черевко создала на стихи поэта цикл песен, пользующихся большим успехом.

Завершая статью, могу с полным основанием сказать, что мой давний друг А.Б.Горобец встречает свой очередной юбилей в ореоле заслуженной читательской любви, профессионального признания и что его славное имя по достоинству заняло почётное место в кубанской и российской литературе.

Валерий Клебанов

«НАС ДАВНО ОБРАЗУМИЛА
ОСЕНЬ, НАС ДАВНО ПРИРУ-
ЧИЛА ЗИМА...»

В потоке нахлынувшей ныне на читателя безликой литературы отрадно остановить дыхание на подлинно поэтической строке, продиктованной не тщеславием, а поэтическим восприятием жизни.

Алексей Горобец всю свою жизнь занимался делами, далёкими вроде бы от литературы, но имея от природы дар художественного видения, очень быстро реализовал его, взявшись за перо в зрелом возрасте. Реализовал успешно, о чем говорят его поэтические сборники, сразу обративших на себя внимание.

Достаточно перелистать несколько страниц, чтобы осознать и почувствовать присутствие поэта.

Уверен, что читатель, уже знакомый с творчеством Алексея Горобца, с интересом примет органичные и современные строфы его новых стихов.

Вадим НЕПОДОБА, член Союза Писателей СССР – России с 1977 года

СНИТСЯ ИЮНЬ СТАНИЦЕ

Настоящая поэзия — всегда — открытие. Подлинная поэзия удивляет, завораживает и покоряет. Неожиданным открытием и приятным удивлением стали для меня стихи Алексея Горобца.

Он умеет смотреть на мир через какие-то особые очки. Природа в его стихах — живая и дышит. Мне, как в большей степени детскому поэту, симпатичен такой невероятный взгляд на явления природы и события души.

Специально не цитирую стихи и яркие строчки автора, поскольку не хочу, любезный читатель, заранее лишать вас радостных открытий и приятных удивлений.

Владимир НЕСТЕРЕНКО,
член Союза писателей России

...И НЕЖНОЕ СЛОВО —
РОССИЯ, И ТИХОЕ СЛОВО —
ЛЮБОВЬ

Первая книга Алексея Горобца называлась «Старые акварели». Она если и была экспрессивна, то в экспрессии этой как-то неразрывно сочетались старомодность и юношеский азарт.

Книга «Зимние дожди» — трагический выдох. Слишком уж много наломал дров век-волкодав. И стихи эти по драматизму, по своей метафорической сути, как нельзя лучше подходят к заключительным строкам века.

Уже два года подряд по всей Кубани, по России, по Миру идут проливные дожди. В конечном итоге они нас могут превратить в квакающие огурцы. Таков жизненный текст. Мы демагогичны, льём воду, тушим её и разбавляем искренность чувств. Но философы называли человека думающим тростником. А тростник живет на болоте. И из тростника получают нежные дудочки. Надо пройти след за этой стихотворной дудочкой Алексея Горобца, чтобы увидеть не ординарную воду, а «волшебных созвездий полет», и «беспечной радуги соцветья». Природа в стихотворных текстах А. Горобца, как эта радуга. Она жива, и ей присущи человеческие качества.

Поэзия Алексея Горобца — это психология и философия, и драматическое действие. Его книги так насыщены чувствами, что каждое стихотворение надо читать отдельно от другого, через время.

Да, все-таки мы не квакающие огурцы, и даже не тростник, а флейты. И после трагического выдоха непременно последует жизнелюбивый вдох. Об этом стихи.

Николай Ивеншев,
член союза писателей России,
поэт, прозаик.

ЮБИЛЕЙ

полюхал пожар дождя...

Луна, криница, корень мандрагоры,
Копытник с каплей утренней росы...

Так и живу — раздоры и раздоры
Завершены, и даже не проси,
И даже не мечтай
Вернуть, Вернуться
В ту невозможность, где твоя любовь
На перепутье солнечных ветров
Узнала нас, не дав нам разминуться:

В копне ресниц, в ручьях цветов, боса,
Вся — ночь и мгла,
Вся — счастье до упаду!...
И мстилось нам — иного и не надо...

И льдистая всё иглилась слеза,
И вновь мироточили образа,

И мир переполняли голоса
Дождей и птиц,
Ветров и листопадов.

Багрянец сник и поседело золото
И стынь—
Что на душе, что в голове.

Я в лес уйду —
В дремучий и нетронутый —
И расскажу, всю правду о себе.
А о тебе смолчу — ну, как довериться
Лесной молве!
Но вспомнят деревья
И тихий всхлип, и влажные слова
Ночной травы, где ты была права,
Где до сих пор о нас тех мест насельница
Грустит — хрома, ревнива и крива:

С клюкой-метлой да с самоходной ступою,
Чтоб поглазеть — ну, хоть со стороны! —
Она, в глуши своей лесной страны,
Всё ищет нас, по мхам и росам хлопая,

И спит в стогу,
И всё не верит, глупая,

В тот крик судьбы, что тише тишины...

Ключий стог —
Тебя он не излечит
От глупости зачитывать до дыр
Ночную звезду!
Поразмышляй, что вечен —
Взаправду вечен! — этот шаткий мир.

А время ?
Да, конечно, быстротечность
Его печальна, и в своей нудьбе
Ты о себе слегка заводишь речь, но
Не слишком веришь звёздной ворожке.

И бесконечна вечная беспечность
Падучих звёзд —
И пусть, им не отвлекь нас!..

И сном и сеном
Дышит бесконечность,

И вечность размышляет о тебе...

Задёрванный ветром, иссушенный зноем,
Умытый росой, что ни свет, ни заря...
И даже вороны кривой стороною
Обходят его, не рискуя зазря.

Гороховый божок, одноногое пугало,
Он встал в огороде врагов отгонять.
А рядом, в саду, что-то пело и ухало,
И сладко звало — улетать, улетать...

Но молча пасёт он червей и улиток
На грядках, где серый бурьян и ботва,
И хмель сорняковый — и хлипок, и липок —
Схватить норовит его за рукава.

А лета дозрело, и осень напугана
Ненастьем, и тучи едва на плаву...
А он всё стоит, одинокое пугало,
Спасая бурьян и сухую ботву.

И пусть уже в небе метель куролесится,
И супит позёмка белёсую бровь,
Он помнит и ждёт,

Алексей Горобец

И в душе его теплится

Всё та же надежда,
Всё та же любовь...

Вечерний день,
Печальник мой смиренный!
Тиха река и ночь совсем близка.
Меняя галс, уходят с лёгким креном
Гружёные дождями облака.

Взыграет выпь,
Из камышей ответит
Бурчливый сом,
И, веря в чудеса,

Всё ждёт любви
В своей прохладе летней
Вдоль старых плёсов
Лесополоса.

Снедает и гнетёт меня забота,
А у неё совсем простая суть:

В какую блажь,
В какую тягость года
Мне тормознуть и чуть передохнуть

Ну, так,
Чтоб больше спи и меньше думай
О правде с потолка и на века,
О правоте любви твоей разумной,
Где всё решает левая нога.

Повосхваляй постелье и безделье,
Соседку первачом поищуешь,
А на похмелье... Что там на похмелье?
Поминки лета! — горькое веселье
Пустынных роц

Да приворотно зелье

Дождей и слёз,
Что хлещут через край.

Песок, бетон.
Болотный запах лилий.
Над плавнями прочерчен дымный след.
И брошен на буклет авиалиний
Ромашек неприкаянный букет.

Теперь нам с облаками разбираться
Да спорить с небом о Добре и Зле...

А небо остаётся на земле —
Искать алмазы в пепле и золе
И слать богам
Хулу по силпой рации
За счастье, что, как прежде, на нуле.

А счастье рядом — поле и околица...
Пусть клеть пуста и покосился хлев,
Судьбы едва угаданный запев
Зерном в горсти
И тайным смыслом полнится,

Неправотой
И правдой отболев.

Умой слова,
Повычеркни красоты
И удержи — хотя бы до утра! —
Любовь к печали,
Верность справедливости
И тайнопись гусяного пера.
Оставь свою избыточную мудрость
Дождям — и не таи, тем паче, зла
На скардность и сумрачную скудность
Осеннего усталого тепла.

И наших рук разомкнутые тени,
И память губ, что я не перевозмог —
Калиткой скрипнут, ступят на порог..

И сны твои читая между строк,
Рассудит нас усталый и осенний

Наш Бог любви,
Любови печальный Бог.

И нет нам рая на земле!
Ну, нет. И быть не может.

Поля в стерне, трава в золе,
В душе зима...
И всё же

Ты возвращалась — Как беда,
Как жаркое ненастье,
Как синь-вода по кромке льда,
Опять — и снова навсегда!
И дом стонал от счастья.

А снег пылал,
И уходя,
Хмелел, почти растаяв,

И полюхал пожар дождя
Над крышами сараев.

Ничто не вечно — молкнут песни,
С пути сбиваются дороги...

Опричь себя, совсем немногим
Мы дорожим.
А что в итоге?

Нам Бог затем даёт болезни,
Чтоб мы задумались о Боге.

Чтобы мольбы
И всхлипы-слёзы
Плакучих ив — всё стало данью
Твоей скупой, как подаянье,
Судьбе,
Когда осенней ранью

Взлетят последние стрекозы,

В твоё
Поверив
Покаянье.

Будь осторожен: относись рачительно
К словам — они волшебники и маги!
Простая мысль становится значительной,
Когда её распишешь на бумаге.

И чуткость слов, их тайная отчётливость,
Нам явят и мольбу, и Божий зов,
И дух родной земли, и нерасчётливость,
И к родине предвзятую любовь...

И что нам галактическая дальность
Тех звёздных дыр, чьи чёрные костры
Безверьем нас морочат до поры!

Мы, всё-таки, достаточно стары,
Чтоб знать:
Господь — такая же реальность,

Как мир земной и звёздные миры.

Покинут, забыт?..
Ну, и пусть, огорчаться не надо!
Не стоит обиду бессмысленно в ступе
толочь.

Ты радость свою раздели между теми, кто
рядом,
И душу не трать на вразвалку ушедшего
прочь.

Не надо терзаться потерей невызревшей
дружбы.
Мир чист и просторен,
И дышит доверьем к судьбе.

... И мреют сады,
И дымятся весенние лужи,

И грозы небесные
Дарят
Свой запах
Тебе.

Когда любовь скользнёт перстами
По холодам твоим и льдам,
Уткнись лицом, прильни губами
К её ветрам, её кустам,
Садам —

Они пускают корни
Воглубь, опровергая суть
Твоих снегов —
И всё просторней,
И всё небесней нам вздохнуть —

И боль забыв,
И злу не внемля,
Понять — любовь не перевозмочь...

И рухнет ниц — с небес на землю —
От жажды изнемогший дождь.

Цени врагов.
Какими бы безмерными
Старателями зла большой руки
Те не были — твои ошибки первыми
Всегда заметят именно враги.

Завистники со вздрюченными нервами
Ушкунники, дельцы — мир многолик.
Но ты и с упырями, и с мегерами
Умел найти приемлемый язык.

И был собой,
И оставался верен
Друзьям, деревьям, слякотным снегам
Чуть суеверен, в меру легковерен,
Бедой и болью на излом проверен...

И тайно снисходителен к врагам.

Оттепель, вороны прилетели.
Будят псов ночные крики сов.
Перезимовали, в самом деле!
И уже порядком надоели
Эти причитания капели
В ожиданье новых холодов.

Дремлют дни,
А ночи откровенно
Ждут любви, объятий,
А пока
Мендельсонят на ветру антенны,
Обручая снег и облака.

И взлетает незаметный, тайный,
С мокрых крыш —
Измотан и несвеж —

Тёплый сумрак летних обещаний
В облаках метелей и надежд.

Дымит и раскисает грязь на грядках,
А в подворотнях лужи кривят губы.
И ветер лезет в форточки и трубы,
И дымоходы,
Выставиться рад, как
Беспечный друг и вечный фантазёр.

Мы заодно с ним с некоторых пор.

Мы твёрдо знаем — квёлая погода
Есть благо, передых от огорода,
От праведных трудов,
И разговор
У нас с ним свойский.
Выломав забор,
Торчит, свой расширяя кругозор,
Балбес оторопелый — куст жасмина.

А жизнь — она спешит куда-то мимо,
И на дорожки, грядки
Дождевой червяк
Повылез, подаёт воронам знаки,
Выписывает сигмы и зигзаги,
И машет кулаками после драки,
И уточняет, где зимуют раки,

И попадает, как всегда, впросак.

Вослед любви ну, что ещё сказать?
Винить себя или назначить крайней
Вот эту ночь с её холодной ранью,
С её бессильем что-то понимать?

А снег спешит — и упадет в грязь,
И лужи осыпает мелкой бранью...

А выше, в небе,
Шифры мироздания

Сияют, никуда не торопясь...

ПРИГЛАШАЕМ К РАЗГОВОРУ

Николай ИВЕНШЕВ

ЧЕРНАЯ НЕМОЧЬ

Заболевший черной немочью великий поэт Александр Блок, разуверившись в силе аптечных снадобий, в припадке отчаяния, стал бить пузырьки с лекарствами об пол.

Его уже не могла помочь великая целительница поэзия. Болезнь оказалась запущенной, а вера в аптеку фальшивой.

Так Блок и помер среди фармацевтических осколков, хватаясь взглядом за «ледяную зябь канала»

Год назад я разговаривал с одним из первоклассных мастеров чистой, поэтической прозы Виктором Лихоносовым. Виктор Иванович развел руками: «Не знаю, не знаю, кто может спасти положение. Может быть уже и поздно?»

Но взгляд у писателя был не пессимистическим. С лукавинкой.

- Что остается? Бить ампулы? Швырять об стены лекарства, колотить об пол флаконы?

Я скопировал его жест. Тоже развел руки.

- Спасти положение могут только русские интеллигенты: врачи, учителя, библиотекари, музейщики? Но где они? Уплыли вместе с Атлантидой? Или с «философским» пароходом.

Тут Лихоносов совсем оживился: «Они есть, они будут»

— Так будут или есть?..

— ...

В конце прошлого года, неизвестно почему, я вспомнил этот случайный разговор. И пришел на память Блок. Не тот, что бил аптечную посуду. Другой, юный. В имение Прекрасной Дамы Любови Дмитриевны Менделеевой он ставил поэтические спектакли для себя и для народа. Назывался театр просто «Балаганчик»

— А что если, а что если? — подумал тогда я, — ударить по задремавшему народу не автопробегом, а театром. Создать подобный «Балаганчик» среди кромешного балагана.

И назвать этот народный, поэтический театр вызывающе «Мельпоменой»

Поймите правильно: я не шизофреник, равняющий себя со Станиславским и Немеровичем, я просто чудак. В нашей кубанской занюханке, в станице — «Мельпомена»

Кураж! Как хотите, так и называйте.

В станичном Доме культуры нашлись люди, которых я расшевелил. И глава поселения (бррр... не тюрьма, чай!) Владимир Анатольевич Побожий, как теперь говорят, откликнулся.

Первый поэтический спектакль мы решили «сотворить» по поэзии Николая Рубцова. Почему Рубцова? Очень просто. Николай Рубцов из тех, кто точно предсказывал судьбу России и судьбу русского народа. На полвека вперед он видел «кресты, кресты в окрестностях России». Видел и новых «татар и монголов».

Рубцов не слепая Ванга. Но вот по данным последней переписи населения народу нашего убавилось на 2, 5 миллиона. А «татар и монголов» значительно прибавилось.

Все мы немножко лошади и татаромонголы тоже, стали совершенно забывать, что такое поэзия и музыка. И как не забыть. К той же поэзии стали относиться как к сумасшедшей девке, забредшей в супермаркет. А к музыке! Кому нужна Анна Герман со своей придурью-нежностью, если по «Русскому радио» на миллионную аудиторию бесстыдно орут в микрофон: «Танцуй Россия, плачь Европа, А у меня самая красивая попа».

И это поэзия?!

Или вот - выходит на эстраду молоденькая красавица, кудряшечка с голым пупком. Как звать то? Оказывается Власом. Извиняюсь, Максимом.

Или вот отколотый номер: Верка Сердючка! Ничего себе: Верка...вовсе наоборот. Дебелый мужик, требующий одним махом вина «Уаны» и целую пачку сигарет.

Да наш самодеятельный театр МХАТ по сравнению с этой фанаберией...

Но о Рубцове.

Этот скиталец твердо верил: Россия оклемается, она выживет, несмотря на «Уану». И он призывал Русь, русских, хранить себя, а не хоронить. Достаточно плакальщиков.

Плачь по России — жирная кость для господ-товарищей.

Да, это же жутко выгодно, чем больше россиян положишь в могилу, тем больше нефти для этого сословия. Из нас с вами

сварят эту нефть?! А из костей — уголь высекут.

Вот так.

Мы уже с крохотной, самодеятельной труппой выступили без рыданий и даже без вина «Уаны». Перед этим сами зазывали публику. Публика иронизировала: «А пивасик, а «Мочаковское» будет».

«Будет и белка, будет и свисток».

Когда наши слабые, непрофессиональные голоса читали стихи (роль поэта Н. Рубцова играл молодой менеджер крупного магазина Максим Скрипов) и когда юная же, не слышавшая никогда раньше о Николае Рубцове, Юлия Чучалова спела под конец спектакля «Скиталец» «Звезду полей», на глазах у зрителей выступили светлые слезы радости.

Самодеятельность. Без поз, жестов. Дилетантизм. Но стихи, Рубцов!

И вздохнули все потом свободно и весело. Весна! Деревья зеленым проклюнулись. «Не надо печалиться»

Что же это за феномен такой: русская поэзия?!

Отнюдь — не «Цветы Злаа», а — «Звезда полей». И еще — «Зеленые цветы», нереальные, фантастические, к которым русский или, вообще, российский человек стремится всю жизнь.

Когда мы жили одним дыханием, читали того же Блока, шли в «Лужники» на Андрея Вознесенского и Беллу Ахмадуллину, разве мы болели тогда? «Мы тянемся к стихам, как к травмам от цинги», — внушал тогда тонкошей Андрей Вознесенский и вылечивал.

Но уснула летаргическим сном поэзия.

Ушли в мир иной А. Вознесенский и Б. Ахмадулина. Они, приложившие руки к лекалам современной жизни, попали под её гильотину. Об их уходе вякнули раза три по телеку да и забыли, не вошла. Зачем они нефтеперегонщикам. А уж Рубцов, Кузнецов, Грасолов? «Чур меня, чур». Или Некрасов? «Там били женщину кнутом, крестьянку молодую». Прибежал поэт с Сенной площади и сразу уцепился за гусиное перо: «Сестра моя родная!» Вот это сочувствие!

Или вот у Александра Сергеевича, у Пушкина — за котёнком Дубровский в полымя кинулся. У Достоевского — убита старуха процентщица, а он, Раскольников, убийца, мается и решается-таки на каторгу, в Сибирь. Вот это поэзия, поэзия духа!

«Проснись и пой, поэзия!»

И как же нынешнему гаштету с паштету не сопротивляться. Сопротивлялись всегда «С торжизм житейских, бесцветных и душных. Видеть так радостно тонкие краски...» (А. Фет).

Поэзия — душа наша. Не проституция — поэзия. Пусть их проститутки сочиняют сказки для малышей. Они, силиконовые мадонны эти, и на крест могут залезть, чтобы на камеру отсняли. «Мани, мани»

А для наших «мань»?

Стихи — товар невостребованный. Как штаны-клеш с электролампочками. Рынок заполнен «криминальным чтивом»?.. Почему? Элементарно, Ватсон. Чтобы мы привыкли к убийству, к этому самому смертному греху? Не к стихам привыкали, они ведь учат чему «В моей руке, какое чудо, твоя рука». Они чуждо учат, «чуждому мгновению», а надо кровавому разбозу натаскивать, да половому соитию с макакой.

Навалилась на Россию черная немочь! Бравый солдат Швейк рекомендовал заболевшим заворачиваться в мокрые простыни или делать клистир, клизму, если уж хворь совсем запущена.

Криминалисты вместе с Козьмой Прутковым учат: «Зрите в корень. Кому это нужно». Нужно хозяевам жизни.

Мой сосед отвечает, путает слова: «Олигаторам». Так он не шутит, так он думает. А для чего воспитателям «социума» такая литературная «поножовщина»? Чтобы одичали и вымерли. Чтобы свихнулись! Хлеба поменьше, зрелищ более. Порны для беспорточных. Не душевной литературы.

Но ведь есть другие примеры. И не только в России. В древней Элладке, возле Афин, по сию пору существует театральная город Эпидавр. Сюда древние греки (и современные) ездили (ят) смотреть и слушать Еврипида и Софокла. «Нужно есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть».

Древние инженеры соорудили театр на вольном воздухе. Дошлые они были. Мраморные скамейки нагревались за день. И вечером так приятно сидеть на них внимать греческим гекзаметрам. Умудрились эллины без Карбюзы создать архитектурный ансамбль так, что слышно одинаково и на первом ряду, и на последнем.

Всё просто: инженеры делали всё это с любовью — они пылали страстью к литературе.

А вот еще пример мудрости. Перед началом олимпийских игр эллины устраивали поэтический турнир. И это было заповедом ко всем атлетическим соревнованиям. А мы то, а мы? Мы для разогрева публики обучаем своих Прекрасных Дам лупцевать друг друга. И чем кровавее у них выйдет, тем лучше. Достает зрелище аж до спинного мозга. Бокс, кик — боксинг, футбол. Ума нет, считай...сами понимаете. Пушечный удар футбольного мяча прекрасно отбивает у современных, феминизированных Венер всю их фертильность, детородность то бишь.

Но мы об инженерах. И у нас по «ату» Президента кинулись реанимировать инженерные отряды. Но ведь этого сделать с кондачка, коню понятно, невозможно.

Инженеры-фантазеры. Упадёт яблоко на ученое темя, они тут же откроют закон всемирного тяготения. Тестю А. Блока Д. И. Менделееву, приснилась «Периодическая система элементов».

С «сега» она приснилась. Менделеев был одарен талантом воображения. Поэтами от науки оказались все: Артамоновы, Кулибины, Лодыгин, Можайский, Циолковский...Инженер и поэт — близнецы братья. Кто больше матери истории ценен? И не к чему смеяться над фразой: «Писатели — инженеры человеческих душ». Ведь так оно и есть. Как скроишь в детстве душу, такой она и пребудет на всю оставшуюся жизнь. Кто автор этих святых слов? Сталин, Горький? Народ!

Между прочим И. В. Сталин, и это абсолютный факт, великолепно знал и прошлую и современную литературу. Поэзию в том числе. Он у товарища своего Максима Горького (не путать с левицей «Максимом») спрашивал разрешения придти к нему в дом на литературный вечер. И тихонечко молчал пока «инженеры человеческих душ» спорили. Трудно представить себе, что наши теперешние владыки попросятся в гости к Валентину Распутину или к вышеозванному Виктору Лихоносову. И будут они в этой фантастике сидеть в сторонке, внимать. Теперешние писатели и сами того захотели и их назначили на роль половых, трактирных слуг, пустоплясов. «Гарсон, кружку пива!»

Их труд, порой поистине грандиозный, сравнивается с выкрутасами ди-джея. Рядом где-то стоят всемирный праздник поэзии и всемирный день ди-джея. К миксеру, к шприцу приравняли перо?

Короче говоря — «нашествие», черная немочь...И она ползёт, как колорадский жук. Дихлофоса бы, да где ж его напасёшься?!

А вот где. Не надо шугать литературу школьных программ. Нельзя первоначальное слово (по библии так) пускать на распыл. Абсолютно точный, проверенный факт — львиная доля учителей пошла в педагоги, потому что боготворили литературу.

Что сейчас? А сейчас им подложили кузькину мать в форме бабы ЕГЭ. Разымайте музыку, математикой! Учите детей амфибрахию, метафорам, и каким-то окси... (простите) моронам. Не надо о любви и страданиях, вам же ЕГЭ сдавать! Рыдают облопошенные учителя. И вовсе не так, как они светло плакали на нашем спектакле «Скиталец». Горько и безрадостно. Нутряно

рыдают.

Они, те самые, ставшие сельской интеллигенцией учителя, ещё не потеряли здравый смысл. Они не все отдали пошлину пошлости. И оксимороном. Не все уткнулись в телесериал «Институт благородных девиц». А если и уткнулись, то с критическим взглядом. О чём сия телелента? Элементарно, Константин! Сия лента о публичном доме. Ах, не так надо было называть этот сериал, а по-купрински точно «Яма». В сём создании милые, Прекрасные Дамы, вместо того, чтобы в криволиниях учиться читать стихи, петь, танцевать, секретно прости-туируют. Не удивлюсь, если к концу сериала «благородные девицы» в каретах запросят «Уаны» или станут ширяться эфедрином. Побойтесь Бога, господа создатели пошлятины в аксельбантах и кружевах. Не существовало такого вертепа. Не бы-ло! А Великий князь К. Р. писал душевные стихи.

Но предположим, случилось. Сорвалась «благородная девица»... Да старосветские да и молодосветские помещики, узнав о том, что девичий институт, похож, на сераль, так бы вздрючили своих дочек-девиц, что те на век бы остались старыми девами.

Вот-с!

А русская литература, и особенно крылатая её часть — поэзия, для любого русского человека была не маковым, а материнским молоком. И ею питались все малороссы-великоросы: священники, врачи, инженеры, экономисты, даже юристы. Лермонтов-офицер, Мусоргский — гвардейский прапорщик, Толстой — артиллерист, Гарин-Михайловский, Достоевский — инженеры, врачи — Вересаев, Чехов, Булгаков. О, господи, все они были вскормлены великой Ариной Родионовной, русской литературой, музыкой, поэзией!

Телевидение — отросточек. Но и его жалко упускать. Почему экран, изобретенный русским ученым Зворыкиным, захватили беса-рабы. И там всегда в любой час «домового хоронят и ведьму замуж отдают». И почему это день и ночь «Тятя-тятя, наши телесети ташут мертвеца»? Почему не пригласят умнейших потомков Льва Толстого и Михаила Шолохова. Ведь нам, электорату, пока ещё не народу, будет интересно, полезно, патриотично. Господа-товарищи, владельцы «заводов и пароходов», кто будет нефтяные вышки защищать? Неровен час и мировое сообщество захочет вдруг отобрать у вас каменный уголь, нефть, «базовый элемент» и проч и проч... Вы уподобитесь диким помещикам из Салтыковского Щедрина (Слышали про такого пишущего сатиру вице-губернатора Твери) будете лишь скукоженно кукуить: «Не за-а-амай!»

Почитывайте, господа хорошие, мировую классику.

И «виждь и внимлив», прикажите гарсонам-прислужникам и минобраза и минкульту: не надо препарировать русскую литературу, русский язык. В. И. Даль ясно выразился «Толковый словарь живага, великорусского языка». «Живаго» — живого! И вы его хотите на хирургический стол, под оксиморон! Да любой могучий язык не может это вытерпеть того даже под наркозом.

Поэт, посидевший в сталинских лагерях, Ярослав Смеляков как-то вздохнул светло и грустно:

«Как в юности, мечтая о победах,

Умчался в неизвестные края,

Две девочки на двух велосипедах,

Любовь моя и молодость моя»...

Одна девочка всё же у почти забытого теперь Смелякова осталась. Поэзия. Она и у нас ещё... Бродит в лунном свете, среди ночных аптек, еле жива. Ужасается лишь и бретельки ночнушки поправляет...Еле дышит...

Аптек-то вон сколько. Палку кинь, упадёшь в аптеку. Они смотрят сквозь ледяную зябь канала.

Пророк Блок сочинил простенькое и гениальное: «Ночь. Улица. Фонарь, Аптека».

О чём думал в тот роковой час стихотворец?.. Можно ли аспирином вылечиться от тоски?! Блок в этом своём последнем припадке ясно осознал, поэзия — единственная спасительница русского человека.

Спасительница и от бледной, и от черной немочи, от оскудения души, от полного её, тотального инфаркта.

Всё остальное просто — карнавал, который в переводе с языка бургеров означает «Праздник мяса».

ПРОЗА

Лариса Новосельская

ОРАНЖЕВОЕ
НЕБО

Куртку Наташе купили в мае. Примеряя ее дома, у открытого окна, куда упрямо лезли крепкие кулачки лиловой сирени, Наташа запарилась, но расстаться с обновкой – оранжевой как мандарин под Новый год, не хватало сил. Вертелась перед зеркалом, любовалась, и не замечала, что куртка так велика, что делает ее похожей на толстого плюшевого медведя – друга детства, скупающего теперь на чердаке.

Да и при чем тут размер? Главное, что они с мамой выстояли огромную очередь в универмаге, ухватили целлофановый пакет с иностранными буквами и, отбиваясь локтями от напиравших со всех сторон тётки, побежали, радостные, домой. В такой же толпе, только на январских каникулах, Наташе перепали белые, на танкетке, босножки. «Готовь сани летом, а телегу зимой», – вот и все, что можно было сказать про ту интересную жизнь. Зато глаза в магазинах не разбегались, и голова от пестроты не шла кругом. Бери, что дают, и будь здоров!

И Наташа была здорова и счастлива. А с веселой обновкой – и подавно! Слякотной осенью катилась она по улицам ясным солнышком, и небо будто светлело, становилось, как в песне, оранжевым, и дождик уже не лил, а тихо и ласково шелестел по капюшону, как будто гладил Наташу по умной и прилежной головке...

В один из погожих дней бабьего лета припекло так, что куртку пришлось снять и нести в руках. И тут кто-то окликнул Наташу по имени. Она остановилась у магазина перед ступеньками, на которых стояла малознакомая девушка Света, имевшая в городке репутацию гулены, а также отряхи. Это смешное слово часто повторял отец, не имея в виду, конечно, не знакомую ему Свету, а людей, от которых можно ожидать всего, чего угодно. Наташе в этом слове чудилось что-то жаркое и лихое, чего не хватало ей самой, такой покладистой и рассудительной.

...А тем временем Света спустилась со ступенек и подошла к Наташе близко-близко, так, что можно было разглядеть ее ярко накрашенное лицо. Наташа и сама прятала дома заветную коробочку, куда нужно было сначала плюнуть, а потом позвонить кисточкой по засохшему черному брикету. Но красила она ресницы втайне от всех и, выходя на улицу, тушь смывала. Однажды, правда, попала бабушке с черными кругами под глазами, потому что умылась без мыла. Но бабушка не ругалась, а только осторожно взяла коробочку, надела очки и подробно рассмотрела и кисточку, и брикетик.

– А мы раньше брови сажей мазали, – завистливо вздохнула она и вернула Наташе тушь. На этом воспитательный процесс закончился, тем более, что Наташа и сама знала: рано ей ещё краситься. А Света, наверное, не знала, вот и подвела глаза яркосиним, а рот алым. Хотя, с другой стороны, Света в школу уже не ходила...

– Слушай, – Наташино ухо обжег горячий шепот. – Дай куртку померить, а?

Наташа от неожиданности даже вздрогнула и крепко прижала куртку к груди.

– Ну что тебе, жалко?

– Н-нет, не жалко... – пролепетала, смущённая напором, Наташа.

Отряха же, уловив заминку, легко выхватила куртку, и та, предательница, с тихим шелестом пропустила в себя сначала одну чужую руку, потом вторую, щелкнула молнией и умиротворенно замолчала. На Светке куртка сидела, как влитая.

– Дашь на один вечер, ладно? – довольная хохотнула новая хозяйка, оглаживая себе оранжевые бока и нисколько не сомневаясь в ответе. – Я тут пройду в кино с одним другом, а завтра верну.

– Эй, мы так не договаривались... – начала было Наташа и метнулась вперед, но яркое пятно мелькнуло уже в конце проулка и растворилось среди серых заборов.

Домой Наташа пришла очумевшая. Что с ней случилось, как она попала на такой

мякине? «Слабачка, тряпка, размазня!» – без устали корила она себя всю ночь и теснее прижималась к мягкой подушке-утешительнице.

...С утра опять затянул дождь, и в школу пришлось надеть старый плащ цвета грозового неба. Хорошо, что домашние ушли на работу и не спросили про куртку. Зато подружки спросили, и пришлось, сохраняя независимый вид, промямлить, что сделала одолжение, дала одной тётке (она так и сказала «тётке»), потому что за ночь образ отряхи вырос в её глазах до размеров авантюристки Миледи из «Трёх мушкетеров») пофорсить на один вечерок...

– Не Светке, случайно? Это же она вчера к тебе приставала? – сощурилась соседка по парте, ехидная Верка.

– Ей... – пришлось сознаться Наташе.

Верка даже присвистнула от восторга, хотя урок уже начинался.

– Ну, ты даёшь, – уже шёпотом продолжила она. – Она же это... потаскуха. В столовой официанткой работала. А потом какие-то деньги из кассы взяла и смылась. Её и в милицию забирали, и по соседям мать деньги ходила клянчила... А потом с Витькой-бандитом связалась. Он её увозил куда-то. Вернулась с синяком под глазом. Она даже... – Верка зажмурилась в предвкушении запретного слова, – аборт, кажется, делала...

Наташино сердце сжалось от ужасного предчувствия, и после уроков она на ватных ногах приблизилась к магазину. Вот и знакомые ступеньки, где вчера её караулила Светка... Да где же она, в самом деле? Наташа стояла, переминаясь с ноги на ногу и вглядываясь в проулок, где на прощанье мелькнул вчера оранжевый всполох. Потом Наташе надоело стоять, и она пошла по самому проулку и дошла до самого его конца, но ничего, кроме покосившихся заборов и вросших в землю кривых домишек, не увидела. Только рыжий кот сидел на заборе и в отчет на ласковое «кыс-кыс» лениво повернул голову, показав мутный глаз, искалеченный в весенней драке. Кот показался Наташе диким, она его испугалась и не погладила.

...Целую неделю она скрывала от мамы пропажу. Бродила по городку, догоняя то яркое пятно косынки, то красный зонтик. Но вот, наконец, мама, почуяв неладное, насторожилась.

– Что-то давно я в дневнике не расписывалась... – намекнула она.

Наташа молча открыла последнюю страницу, где стояла жирная «пятерка».

– Тогда что случилось? – с облегчением выдохнула мама.

– Куртка пропала.

– Как пропала?

– Да понимаешь, одна девочка, девушка, – поправилась Наташа, – попросила примерить, а потом в ней ушла...

Мама недовольно поджала губы. Она была нестрогая и нежадная, только часто вспоминала, как в детстве три её сестры носили по очереди одни сапоги, и оттого в школу зимой она ходила раз в три дня.

– А что ж за девушка такая, ты её знаешь? – между тем расспрашивала мама.

– Света Опрышко...

– Светка! – задыхнулась от возмущения мама. – И как это тебя угораздило с ней связаться! А ну, пойдём разбираться! И так больно дернула за руку, как будто не дочь

это родная, а её обидчица.

Легко сказать, пошли разбираться! А куда? Городок хоть и низенький, а широкий – растянулся во все стороны от двухэтажного райисполкома, что стоит на центральной площади. Пришлось сначала зайти к тётке Гале – кассирше на автостанции. Она почти всех знала. Ожидая, пока рассосётся очередь к окошку, а пассажиры утрамбуются в грязный автобус с табличкой «х. Малеваный» на лобовом стекле, Наташа, чтобы не расплакаться, призвала на помощь своё лучшее воспоминание: как она, одетая в новое штапельное платье в розовый цветочек, взлетала на качелях в синее небо, а из репродуктора громко пели: «Утро красит нежным цветом стены древнего Кремля». На припеве «кипучая, могучая...» Наташа приближалась к облаку, а со словами «никем непобедимая» падала вниз и почти касалась носками новых туфель росистой травы во дворе. Эти качели всегда её успокаивали и поднимали настроение. Вот и сейчас, когда «ПАЗик» наконец тронулся, обдав провожающих сизым дымом, Наташа повеселела и, взяв маму за руку, бодро зашагала с ней куда-то вдаль.

На самом краю городишка они нашли избушку на курьих ножках, стоявшую посреди широкого двора, унавоженного птичьим пометом. Сами птицы – не меньше десятка гусей и уток – лениво ковырялись в земле. На мамин крик «хозяйка» никто не поторопился. Пришлось крикнуть и второй, и третий раз, пока мама от смущения не разозлилась. Наконец, дверь скрипнула, и к калитке подошла древняя-древняя старуха – в лоснящейся от грязи фуфайке и с неогляданно модной «газовой» косынкой на голове.

– А ты кто? – приставила она ладошку ко лбу, разглядывая маму. Наташу она будто и не заметила.

– Александра Денисовна из райисполкома. И не притворяйся, что ты меня не узнала, Раиса, – сказала мама таким тоном, что Наташа поёжилась и высвободила свою руку из маминой, вмиг похолодевшей. – Где дочка?

– А кто ж её знает, где-то шлындается, – махнула неопределённо рукой хозяйка, и Наташа разглядела, наконец, её совсем не старые, черные, как уголь, глаза.

– А в доме кто? – милиционерским тоном спросила мама, перегнулась через забор и дернула крючок от калитки.

Как ни странно, Раиса посторонилась и пропустила нежданных гостей во двор. Наташа с ужасом почувствовала, как её туфли поплыли по скользкой унавоженной земле. Она ещё надеялась, что мама велит оставаться ей на улице, но, не дождавись, покорно поплелась за женщинами в дом.

В низенькой тёмной веранде мама хотела было по кубанской привычке снять обувь, но удержалась и, потоптавшись на домотканом, почерневшем от грязи, коврик, решительно распахнула дверь в комнаты. Тут же под ноги гостям бросился кот, кося калечным глазом.

«Тот самый? Не может быть!» – испугалась Наташа. Сердце заколотилось, и ей показалось, что она попала напрямик в избушку Бабы Яги. От ужаса спасал лишь тусклый огонёк в углу, освещающий печальное лицо на иконе.

– Ну и как, Бог помогает? – насмешливо спросила мама, взглядевшись в мерцающий угол, а хозяйка стала мелко креститься и

что-то шептать себе под нос. Наконец сквозь полумрак проступили очертания стола, накрытого клеенкой, шкафа с обклеенной открытками и фотографиями артистов советского кино дверцей. На стене проявилась фотография в картонной рамке: молодой мужчина с остекленевшими глазами и невеста в торчащей вокруг пухлых щек накрахмаленной фате.

– А Федор где? – указала мама глазами на фотографию.

– Да вон он, лежит уже седьмой год, тяжелый, как колода. Я сама не переверну, а Светку где-то чёрт носит, – торопливо и как-то заискивающе стала тараторить хозяйка, с готовностью открывая дверь в соседнюю комнату.

Мама зашла, а Наташа осталась стоять, боясь пошевелиться, в ожидании страшного кота-оборотня. Для неё прошла целая вечность, хотя мама пробыла в другой комнате минуты две. Вышла она оттуда печальная и поникшая, но, наткнувшись глазами на шкаф, взяла себя в руки, распрямила плечи, решительно и без спроса распахнула фанерные дверцы. На плечиках болтались какие-то рубашки, на кривых полках лежали серые простыни, внизу что-то блеснуло... Мама протянула руку – и вытащила... резиновые сапоги. Новенькие, блестящие, они были не обыкновенного, черного цвета, а отливали изумрудной зеленью.

– Что, Светка стянула, да размер не подошел? – мама опять разозлилась и затрясла сапогами перед у Раисы перед самым носом. Та от страха даже попятилась. И тут скрипнула калитка, гуси с гоготом бросились врассыпную, раздалось «кыш, проклятые!», и до боли знакомое жёлтое пятно, пролетев через двор, возникло в дверном проеме.

...Спустя много лет Наташа закрывала глаза и видела, как на экране, излучающую оранжевый свет, фигуру Светки. Наташа хотела бы остановиться вот сейчас, на этой красивой картинке, замереть, застыть... Но нет, кадры побежали дальше, фигура шевельнулась, Светка торопливо расстегнула молнию, сбросила на пол ворованную одежду... А мама, как полководец в атаку, уже шла на неё с резиновыми сапогами наперевес. Она била Светку сапогами по плечам, по голове, по лицу, та даже не сопротивлялась, а только закрывалась руками. Раиса сначала остолбенела, потом закричала, кинулась вырывать оружие из маминых рук, и тоже получала по рукам...

Потом мама, опомнившись, резко остановилась, глянула в угол, откуда строго глядели печальные глаза, схватила куртку, Наташу и, как будто спасаясь бегством, выскочила на улицу. Она шла молча, щеки её пылали, руку дочери она сжимала так, что та кривилась от боли.

Дома, в передней, мама бросила куртку прямо на пол, в угол. На расспросы бабушки почему-то кивнула на Наташу:

– Она все видела, пусть и рассказывает.

Сама ушла на кухню и загремела кастрюлями так, что глуховатый от старости пёс Рекс залез в во дворе звонким лаем.

Наташа с бабушкой подняли куртку, рассмотрели её. Маленькой жирное пятнышко на груди, его легко вывести. А в целом ничего страшного. Сияет и шелестит.

Но почему-то Наташа не надела куртку больше ни разу. И мама про неё никогда не вспоминала.

Наташа даже не помнит, куда, в конце концов, делась злополучная обновка: пылится до сих пор на чердаке в их старом доме или покойная бабушка отнесла её в церковь, бедным людям?

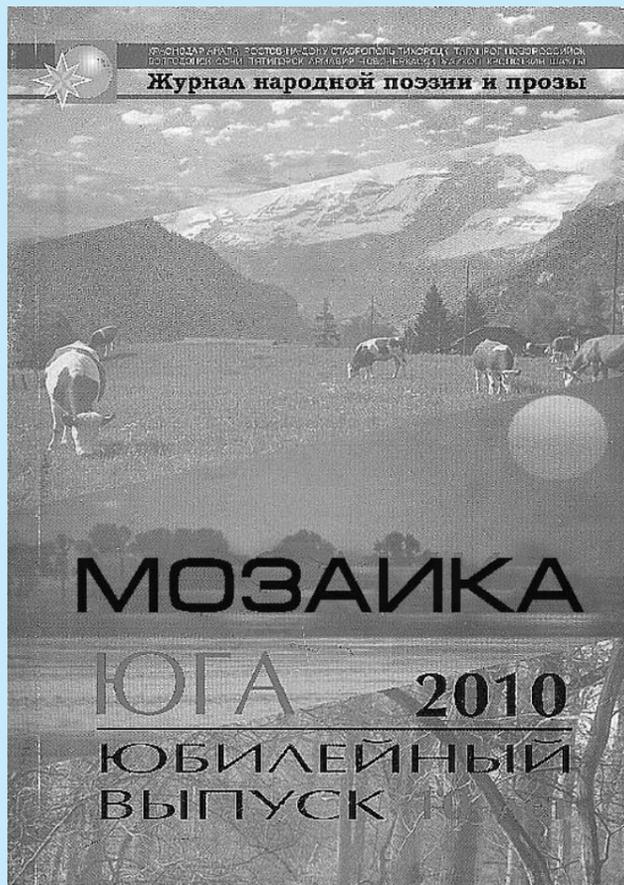
Мама, когда вышла на пенсию, тоже чуть ли не каждое воскресенье начала ходить с соседкой к заутрене. Наташа как-то её поддела:

– Ты ведь атеистка, чего тебе в церкви делать?

– Грехи замаливать, – просто и строго ответила мама, и Наташа, такая скорая на ответное словцо, не нашла, что ей ответить...

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЗАПАСНИК

«Мозаике юга» - 10 лет!

Исполнилось 10 лет со дня выхода в свет журнала «Мозаика юга». Первый его редактор поэт Богза Александр Александрович, его соратник и жена, Богза Валентина Николаевна, филологи по образованию, учредили литературно-художественный альманах «Мозаика Юга», при активном содействии Краснодарского Краевого отделения Союза писателей, его председателя Придиуса П.Е., членов Ростовского регионального отделения Союза писателей России; Петрова В.С. (главного редактора журнала «Дон») и активной помощи литераторов юга России.

Небольшой альманах «Мозаика Юга» был задуман как журнал народной поэзии и прозы южного региона.

Участие профессиональных писателей в подготовке и выпуске журнала «Мозаика Юга» способствовало повышению уровня мастерства начинающих поэтов и прозаиков. Каждый выпуск журнала презентовался в краевых, городских, районных и сельских библиотеках, литературно-творческих объединениях Краснодарского края и Ростовской области с последующим обсуждением положительного опыта авторов. Такие встречи стали своеобразной школой писательского мастерства. Многие авторы «Мозаики Юга» участвовали в семинарах отделений писательских Союзов (г. Москва, Краснодар, Ростов-на-Дону, г. Тихорецк, г. Кореновск, г. Армавир, Куцёвский, Курганский и др. районы). Авторы журнала Роговая Л.В. и Мецгер А.М. были приняты в Союз российских писателей, прозаик Шлапков П.И. — в Союз писателей Дона.

Журнал «Мозаика Юга» был

успешно представлен на книжной ярмарке в Москве на ВВЦ в 2006 и 2007 годах.

Многие авторы — победители различных международных, российских, краевых и других литературных конкурсов и фестивалей.

Пять лет назад ушёл из жизни первый главный редактор «Мозаики Юга» Богза Александр Александрович, о котором с благодарностью вспоминают поэты и прозаики и сегодня учредителем и главным редактором его является Богза Валентина Николаевна, отличник просвещения СССР, обладатель Золотой медали ВДНХ, писатель-прозаик по званию.

На страницах журнала соседствует творчество как мастеров слова, так и начинающих авторов. География журнала постоянно расширяется. В нем вы найдёте не только знакомые имена профессиональных писателей Дона и Кубани, но и гостей из Сургута, Санкт-Петербурга, Прибалтики, Карелии и других регионов страны.

СОБИНФО

МАСТЕРСКАЯ

Иван Бойко

СОЧИНСКИЕ ИСКРЫ ПОЭЗИИ

С той поры, как я, лет десять назад, на семинаре поэзии в Сочи, который вела Валентина Саакова, познакомился с замечательным поэтом Валерием Клебановым, мы переписываемся и перезваниваемся с ним почти каждый день. То о том, как прошло последнее писательское собрание. То о чьей-то опубликованной в «Кубанском писателе» подборке стихов или прозы. То о только что принятых в Союз писателей новых собратьях по перу. То просто затем, чтобы узнать о состоянии моря: купаются ли люди?..

И вот он недавно звонит мне: «Ты не найдёшь времени, чтобы прочитать новый сборник стихов Галины Дадукиной? Первый у неё был не очень. Но я заметил в ней искры божие... А вторая книга вроде бы получилась». - «Для нашей дружбы, Валерий, я найду время, если его даже не будет. Пусть присылает».

Сборник Гали Дадукиной я раскрыл, только получил его. Это моя привычка - читать новую книгу с середины, с любой страницы, какая откроется. И «шатать» каждое слово. И надо же такому быть: попал не на самый удачный стих - «Городу Бобруйску»:

...Здесь и травы пахнут по-иному,
Как родные льнут к моим ногам.

Я сюда не зря прибилась, - словно
Всё ещё кому-то дорога.

Словно юность в васильковом платье
Озорно мелькнула меж деревьев; Только не
Окликнуть, не догнать мне, И стою, от грусти
замерев.

Но она не дразнит, не глумится,
А звенит разноголосьем птиц,

Словно обещая возвратиться
Счастьем из-под дочкиных ресниц.

Задумка интересная: памятью о былом осталась дочь поэтессы. Можно стихотворение принять. Но... «...Здесь и травы пахнут...». А не лучше ли, думаю, «Здесь и травы дышат по-иному»? В дыхании запах всегда чувствуется. И, думаю, слово это будет здесь свежее выглядеть. И не так обнажённо. А если чуткий автор найдёт своё (!), более сокровенное слово, читатель будет ему во сто крат благодарней. Далее: «Словно юность в васильковом платье...». Ой, да здесь за версту «пахнет» Есениным! Почему автор не поискала своего образа?.. А о юности и вовсе сказано по-детски: «Но она не дразнит, не глумится, А звенит...». Не вдумавшись даже в заглавие книги, звоню в Сочи:

«Валера, твоей сочинской поэтессе надо ещё работать и работать. У неё нет тонкости чувства слова. К тому же, она заимствует известные образы!..».

«Иван Николаевич, это я уже и сам обнаружил, когда она выслала вам книжку, — в растерянности перешёл на «вы» мой друг. — Оказывается, Галина Петровна добавила несколько стихов без моего ведома, когда книжка выходила! Ведь я редактировал её!..».

«Валерий Захарович, я всего-то и прочитал одно стихотворение. Ты меня извини, что я позвонил, не взвесив всего сборника!..».

Почувствовав, что я ранил мастера, я с новым чувством набросился на сборник. Точно: Валерий работал над ним: вот — «Редактор В.З. Клебанов». Его и предисловие «Притяжение таланта». Буквально на следующей странице после «бобруйского» стиха всего четырёхстрочное стихотворение

вырвало у меня слёзы:

Не прошу проходить сквозь стену

И не требую с неба звёзд, -

Лишь бы в день мой

самый последний

Ты коснулся моих волос.

Батюшки! Да ведь это поэзия! Галя Дадукина — поэт! Я накинулся на предисловие Валерия Захаровича «Притяжение таланта». Высокую оценку даёт поэтессе большой художник: «Её стихи подкупают искренностью и проникновенной лиричностью, трепетом выраженного в них чувства». Да и в названии книжки такая доверительность — «Тепло родной ладони». Едва удержавшись, чтобы не позвонить в Сочи о своём открытии, я стал читать сборник с первой страницы и вдумываться в работу Дадукиной. В самом деле, по сборнику всюду рассыпаны искры поэзии. «Не могу нести я крест такой, -Третьей быть, пусть даже и любимой». «Печально скребётся в мои двери Покинутый, заплаканный апрель». «Твой мир без моего дыхания пуст, А без тебя дышать мне нечем». «И давняя печаль вздохнёт в печной трубе». «Пахнёт теплом от разогретых шпал, — И вспомню запах папиной спецовки». А вот ещё короткое стихотворение — «Сестре»:

Моя родная, ты совсем одна:

Несносны вечера и бесконечны ночи —

Печаль вдовы без берегов и дна

Тебя в покое оставлять не хочет.

И добротных стихов, подлинных поэтических находок, выжимающих слезу читателя, в новой книге сочинской поэтессы немало. Но особенно меня «проняло» развёрнутое эпическое стихотворение «Мария», в котором отражается вся наша

Россия. Несколько дней я возвращался к сборнику Дадукиной с карандашом. У неё, действительно, мелькают заимствования. Вот, о половицах, напоминает Кузнецова («Монотонно скрипят половицы, А одна половица поёт»). А вот опять яркое есенинское словцо «пилигрим». Но в серьезной поэме Есенина это слово идёт вприкурку с народными русскими словами, и его не видно в контексте; а в восьми строках сочинской поэтессы слово это торчит, как голое. Но сколько у сочинской дивчины достижений:

Прощальный дождь размыл мои следы,
Грусть паутиной оплетает окна.

Невольный призрак я твоей беды,

Душа моя от слёз твоих промокла. *

Стряхну, как пыль, налипшую усталость.

Душа, пари! Не сетуй и не трусь!

И льда, и пламени с лихвою мне досталось, -

Надеюсь, и до счастья доберусь! *

Ах, осень, осень, рыжая подруга,

Ты снова рассыпаешь грусть дождём.

Но мы, наверное, поймём друг друга,

По-женски пошептавшись о своём...

«Состоялся поэт!» — радуюсь. И

вдруг получаю по Интернету рецензию

известного прозаика и критика Виталия

Кириченко на сборник Дадукиной. И у нас

совершенно одинаковые мнения о работе

Галины. Хотя с разных сторон подходим. Я

решил «приделать» название к рецензии

мастера. И направить её как статью в нашу

писательскую газету. Молодым читателям

«Кубанского писателя» будет интересно

узнать, как зрелые литераторы растят

себе смену,

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России

Кубанский Писатель

Зарегистрирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации:

ПИ №ФС14-0358 от 24 апреля 2006 г.

Учредитель – КРО СП России.

Издатель: ИП «Кириллица»

ИНН 213208979906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динека

Редколлегия:

В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов, Н. Ф. Иванов (Москва), Н. А. Ивеншев, Б. И. Лукин (Москва), Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва), А. Н. Пономарев.

Компьютерная верстка

и художественное оформление: А. Г. Прокопенко

Подписной индекс 54713

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350065

г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3

тел.: 8-961-509-30-53, 244-09-11

E-mail: snmakarova@mail.ru

Электронная версия газеты на сайтах

www.sprosia.narod.ru

и Краснодарской краевой универсальной

научной библиотеки им. А. С. Пушкина

www.pushkin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Флер-1»

г. Краснодар,
ул. Уральская, 98/2

Заказ № 2300

Подписано в печать

в 10.00, 22.03.11 г.

Тираж: 1000 экземпляров

Цена свободная